

Война с чрезвычайной быстротой образует новые характеры людей и ускоряет процесс жизни. Один красноармеец сказал: бой есть жизнь на большой скорости. Это верно.

Андрей Платонов. Из записной книжки

В 1941 году Платонову 42. Он уходит на войну добровольцем и уже в июле 1941 года едет на Ленинградский фронт, получая первые «впечатления». Их результат – написанные в августе рассказы «Божье дерево» и «Дед-солдат» (он был опубликован в 10-м номере журнала «Пионер» – это первая военная публикация Платонова, оставшаяся совершенно незамеченной, потому что вышла в детском журнале). В «Божьем дереве» корневое, природное, исконное понимается как основа жизни и мировоззрения русского народа. Лист с этого дерева, которое многократно «убивала молния с неба», но которое каждый раз оживало подобно мифическому Фениксу, становится талисманом Степана Трофимова, уходящего на войну. В сцене прощания героя с матерью возникают мотивы долга, молчания и бессловесного взаимопонимания (*silentium!*).

Пространство в рассказе организовано по принципу противопоставления. Там, где остаются мать и родная деревня, он «увидел только рожь, которая клонилась и покорялась под ветром, избы

же деревни и маленькая (то есть нуждающаяся в защите и спасении. – *Т. С.*) мать скрылись за далью земли, и грустно стало в мире без них». Впереди же, где встреча с врагом: «На фронте было пустое поле, истоптанное до последней былинки, и тишина (снова *silentium*, но это совсем другая тишина – зловещая, нагнетающая. – *Т. С.*). <...> Позади пустого поля рос мелкий лес, с листвою, опаленной огнем пожара и стрельбы». Герой ждет встречи с врагом, чтобы понять, что он такое. Враг обезличивается Платоновым, лишается человеческих черт: «кто это – человек или другое что?». А родная земля, опустошенная войной, напротив, олицетворяется.

Тем разительней контраст первой встречи с неприятелем. «Из-за голых ветвей... засветилось бледное незнакомое лицо со странным взглядом, испугавшим Трофимова, потому что это лицо было немного похоже на лицо самого Трофимова и глядело на него с робостью страха». Убивая его штыком, Трофимов в каком-то смысле убивает себя. С этого момента поспешные убийства в ближнем бою становятся конвейерными, деловитыми, обыденными: «Кончайся скорее, нам некогда!» – жалости тут не место. Главенствующие чувства героя перед лицом смертельной опасности – скорбь и ожесточение, «потому что раз мать родила его для жизни – его убивать не должно и убить никто не может». Лист

Убивая его штыком,
Трофимов в каком-то
смысле убивает себя.
С этого момента
поспешные убийства
в ближнем бою становятся
конвейерными,
деловитыми, обыденными:
«Кончайся скорее, нам
некогда!» – жалости тут
не место.

«божьего дерева», присохший к груди, становится в немецком плену единственной отдушиной и надеждой на возвращение. Тщетной, но бессмысленной.

Другой написанный в этот же период рассказ – «Дед-солдат». Дед, подходящий к стоящему у плотины неприятельскому танку, – развитие темы столкновения природного и механического, как бегущий рядом с поездом жеребенок у Есенина. Этот мотив найдет у Платонова высшее воплощение в рассказе «Одухотворенные люди», где пятеро оставшихся в живых черноморцев бросаются под неприятельскую танковую колонну, останавливая ее. В рассказе «Дед-солдат» этот образ получает развитие и в образе внука: «Алеша увидел с берега пруда, что его деда чужой человек повел убивать, и побежал им вослед. Он бежал и чувствовал свое сердце, бившееся вслух от своей силы и от близости страшного врага». Маленький мальчик и старик поднимаются вдвоем против фашистского танка со всем его экипажем – и побеждают, потому что на их стороне правда. Теория малых дел, которые вдруг оборачиваются очень большими, подобно тому, как маленький ручеек из пробитой Алешей плотины оборачивается мощным разрушительным потоком.

После первой поездки Платонова на фронт – небольшой перерыв на эвакуацию семьи в Уфу, но уже в 1942 году он становится военным корреспондентом газеты «Красная звезда», где 5 сентября выходит рассказ «Броня» в сокращенном варианте

(и именно его часто считают первым опубликованным военным у него), а в полном – в октябрьском номере «Знамени». Герой «Брони» пожилой моряк Саввин говорит, что для того, чтобы одержать победу в войне, нужна особая, идеальная по стойкости, броня: «Надо строить новый металл: твердый и вязкий, упругий и жесткий, чуткий и вечный, возрождающий сам себя против усилия его разрушить». Неповторимый платоновский язык, невозможные – и удивительно уместные эпитеты. «Корявость», выражающая предельную чуткость к языку: «чуткий металл» – где еще такое возможно?

Саввин и рассказчик идут в деревню, где моряк спрятал придуманный и записанный им способ производства особой брони, которая только может спасти от врага. По пути они встречают женщину, на их глазах выбравшую смерть на родной земле, предпочтя ее немецкому плену; и другую, носящую хоронить убитых немцами печным чадом детей, чтобы, закончив, лечь вместе с ними. Саввин умирает от фашистской пули, но прежде убивает всех врагов, засевших в деревне и сотворивших это. Убивает всех один, буднично, деловито, и так же буднично умирает сам: «Не в силе дело, – в решимости, и в любви, твердой, как зло...» Любовь, твердая, как зло – это тоже только у Платонова возможно. Это именно то, чему пытаются подражать его бесчисленные эпигоны, и то, чему подражать невозможно. Неназванный рассказчик, которому теперь предстоит идти одному, над телом Саввина постигает секрет чудесной брони: «Но самое прочное вещество, оберегающее Россию от смерти, сохраняющее русский народ бессмертным, осталось в умершем сердце этого человека».

После этого военную прозу Платонова печатают очень активно, хотя, разумеется, все равно не без проблем: сборник «Рассказы, были», собранный в 1942-м, так и не выйдет, как и «0 живых и мертвых» (1943) и «Вся жизнь» (1945). А книга «В сторону заката солнца» будет готовиться два с лишним года и выйдет урезанной почти вдвое (десять рассказов вместо планировавшихся восемнадцати).

Андрей Платонов активно участвует в боях, много времени проводит на передовой: подо Ржевом, на Курской дуге, на Украинском и Белорусском фронтах. 6 июня 1943 года он пишет жене: «Меня убьет только прямое попадание по башке». Не убило. Дослужился до майора. Но в 1944-м под Львовом серьезно заболевает: начинает развиваться туберкулез, который и убьет в 1951-м...

В 1942 году Платонов пишет рассказ «Неодушевленный враг». Иерархия высокого и низкого

в условиях войны перестает существовать: высокое и низкое оказываются на одной чаше весов перед постоянной угрозой смерти.

«Солдат оживает быстро (снова мотив мифического Феникса. – *Т. С.*), потому что он скуп на жизнь и при самой малой возможности он уже снова существует; ему жалко оставлять не только все высшее и священное, что есть на земле и ради чего он держал оружие, но даже сытную пищу в желудке, которую он поел перед сражением и которая не успела перевариться в нем и пойти на пользу». Двое раненых, засыпанных землей: русский и немец, снова столкновение с врагом буквально лицом к лицу, «в промежуточном пространстве боя», под перекрестным огнем. Для каждого из них абстрактный враг приобретает вполне конкретные черты, воплощается в непосредственной близости. Немец, действующий и даже думающий по приказу фюрера, становится функцией от человека, воспринимается героем как нечто неодушевленное: «ты ветوشка, ты тряпка на ветру, а не человек!». Неприятелем движет чувство страха: если он не будет убивать, убьют его самого и не станут кормить его семью, находящуюся в тылу. Убивая врага, герой совершает акт высшей справедливости, устанавливает изначальный порядок вещей: неодушевленный враг становится трупом, то есть неодушевленным буквально. «Но я, русский советский солдат, был первой и решающей силой, которая остановила движение смерти в мире», – парадокс: он вынужден убивать, чтобы победить смерть.

В том же 1942-м создается рассказ «Одухотворенные люди» с подзаголовком «Рассказ о небольшом сражении под Севастополем». Уже в названии – контраст с «Неодушевленным врагом», противопоставление захватнической и оборонительной позиций. В основе сюжета – подвиг пяти черноморцев, которые в ноябре 1941-го остановили несколько танковых атак противника. Последнюю – ценой своих жизней. 10 августа 1942 года Андрей Платонов пишет жене: «Это, по-моему, самый великий эпизод войны, и мне поручено сделать из него достойное памяти этих моряков произведение. <...> У меня получается нечто вроде Реквиема в прозе». Получился. Получился Реквием. А еще – гимн материнской любви, по-платоновски краткий и емкий: «...он вспомнил мать, родившую его, – это она, полюбив своего сына, вместе с жизнью подарила ему тайное свойство хранить себя от смерти, действующее быстрее мышления, потому что она любила его и готовила его в своем чреве для вечной жизни, так велика была ее любовь» (тот же мотив, что был уже в пер-

вом военном рассказе «Божье дерево»). И рассказ о боевой дружбе и о победе над смертью получился: «Ему стало легко, томительная слабость в его теле, от которой он боялся умереть на ходу, теперь прошла, точно он принял на себя обязанность жить за умершего друга, и сила погибшего вошла в него». И о воинской чести и верности присяге. Платонов – автор самых странных, но самых точных описаний: «Они лежали неподвижно; железная смерть пахала воздух низко над их сердцами, и души их хранили самих себя». И о детях, лишенных войной детства. Политрук Фильченко наблюдает за игрой в смерть братишки семи лет с девятилетней сестрой: девочка приносит слепленных из глины «покойников», а мальчик совочком роет им могилы. Это и рассказ о долге, который выше страха боли и смерти: «Поднявшись, Цибулько ударил своей левой рукой о камень, чтоб из руки вышла боль, но боль не прошла и она мучила бойца; из разорванных мускулов шла густая сильная кровь и выходила наружу по кисти руки, лучше всего было бы оторвать совсем руку, чтобы она не мешала, но нечем было это сделать и некогда тем заниматься». Или о другом моряке: «Фильченко прицелился сразу всем своим телом, привыкшим слушаться его, и бросил себя в полынную траву под жующую гусеницу, поперек ее хода. Он прицелился точно – так, чтобы граната, привязанная у его живота, пришлась посередине ширины ходового звена гусеницы, и приник лицом к земле в последней любви и доверчивости».

С 1943 года, когда перевес сил оказывается на нашей стороне, к образу советского воина-освободителя в литературе присматриваются еще внимательней, и Платонову все чаще отказывают в публикации. Среди отклоненных в это время рассказов – «Размышления офицера», «Вся жизнь», «Пустодушие».

Последние прижизненные публикации Платонова датированы 1946 годом (за пять лет до смерти): в «Детгизе» выходит «Солдатское сердце», в «Новом мире» – «Семья Иванова» (впоследствии переименованная в «Возвращение»), в «Красной звезде» – «Начало пути», в «Огоньке» – «Житель родного города». В «Возвращении» возникает традиционный для Платонова мотив: ребенок, неиспорченный, нежесточенный и несломленный, как носитель истины. Только дети понимают истинные ценности и сохраняют чистую душу, когда взрослые изломаны войной. Такой образ советского воина противоречил официальной идеологии, и вопрос с дальнейшими публикациями был решен не в пользу Платонова...

Но осталось много – несколько десятков военных рассказов и очерков, составивших объемный том.

Платонов помещает человека в центр мироздания, в его военной прозе высшим воплощением человека становится русский солдат, рожденный для жизни, но приносящий ее в жертву долгу и спасению родины. По словам Валентина Распутина, Платонов смотрел на происходящее «глазами корневого человека, посланника всех времен».

Письма и вечные платоновские записные книжки, которые столько добавляют к пониманию его художественного мира.

«В нашей войне знаменательно то, что даже человек слабый или ничтожный, даже ребенок, еще не осмысливший мир, обречен на подвиг, на честь и величие» (Андрей Платонов. Из записной книжки).

Платонов помещает человека в центр мироздания, в его военной прозе высшим воплощением человека становится русский солдат, рожденный для жизни, но приносящий ее в жертву долгу и спасению родины. По словам Валентина Распутина, Платонов смотрел на происходящее «глазами корневого человека, посланника всех времен». Благодаря его прозе мы знаем, что и как именно он видел...

